

Мужчина закончил обтирать тело и уже собирался надеть на него брюки, когда Цан Мо не удержался и решил поддразнить его:

— Там у меня всё еще стоит, как мне теперь штаны натянуть? Это всё твоя вина, так что и отвечать за то, чтобы он опал, придется тебе.

Мужчина, словно не расслышав, невозмутимо натянул на Цан Мо брюки от больничной пижамы, скрывая под тканью гордо поднявшуюся плоть. Ткань натянулась, образовав некое подобие палатки, и оттого выглядела еще более вызывающе, чем если бы он был без штанов.

Мужчина даже не взглянул лишний раз. Укрыв пациента одеялом, он отправился в ванную. Вскоре оттуда донесся шум душа. Спустя полчаса дверь открылась: мужчина вышел с полувлажными волосами, с голым торсом, но в тех же строгих брюках от костюма.

Цан Мо, который с интересом дожидался его появления, при виде «красавца», вышедшего из ванной, машинально присвистнул:

— Ого, а у тебя тело что надо! Почему ты так себя не ценишь, работая сиделкой? С твоими данными, сядь ты в ночном клубе — гарантирую, за ночь будешь иметь несколько тысяч.

Мужчина проигнорировал его монолог, сделал несколько шагов к дивану и лег, накрыв торс пиджаком от костюма, после чего закрыл глаза, готовясь ко сну.

На дворе стояла весна, и чтобы не замерзнуть, нужно было укрыться хотя бы тонким одеялом. Мужчина же довольствовался лишь пиджаком — так и простудиться недолго, но, судя по всему, он всегда так жил. Уже через несколько минут его дыхание выровнялось: он уснул.

Цан Мо бесшумно подобрался к дивану и щелкнул пальцами. Мужчина, казалось, погрузился в сон еще глубже. Только тогда Цан Мо отбросил пиджак, коснулся теплыми длинными пальцами татуировки на ключице мужчины и принялся задумчиво поглаживать загадочные линии.

На следующее утро, проснувшись, мужчина обнаружил, что укрыт тонким одеялом, которое полагалось Цан Мо, а сам пациент на кровати спит под новым. Цан Мо еще не проснулся, его слегка приоткрытые губы выдавали крепкий сон.

Сложив одеяло, мужчина направился в ванную. Вышел он уже в полувлажной черной рубашке — видимо, постирал её вчера вечером, пока принимал душ.

Мужчина нарочито тихо направился к выходу, но перед самым уходом оглянулся и неожиданно встретился взглядом с Цан Мо, в чьих ясных, невинных глазах блеснула хитринка.

— Куда собрался? — с полуулыбкой спросил Цан Мо.

— За завтраком, — сухо ответил мужчина.

— Отлично, я хочу кашу с древесными грибами и вешенками, захвати по пути, — бесцеремонно распорядился Цан Мо.

Мужчина нахмурился. Цан Мо небрежно бросил взгляд на тонкое одеяло на диване, и мужчина отчетливо увидел в его глазах торжествующий блеск.

— Где её купить? — сдался мужчина.

— Понятия не имею, просто захотелось. Поспрашивай у людей по дороге, сам узнаешь, — отрезал Цан Мо и махнул рукой, призывая его поторопиться.

Мужчина вернулся быстро, неся два завтрака. Войдя, он увидел, что Цан Мо лежит с кислородной маской, а к рукам прикреплены датчики — вылитый тяжелобольной, которого как раз осматривал врач.

Зная по вчерашнему вечеру, что с телом Цан Мо всё в порядке, мужчина не стал задаваться вопросом, зачем тот ломает комедию. Его дело — выполнять свои обязанности. Он поставил одну порцию на низкий столик, а сам сел в кресло и принялся не спеша есть свою кашу.

Когда врач закончил осмотр и ушел, Цан Мо бодро сорвал датчики, спрыгнул с кровати босиком и схватил вторую порцию. Он с предвкушением открыл контейнер, но, увидев содержимое, тут же скривился:

— Я же просил кашу с грибами! Почему здесь просто пустая рисовая каша? А сам ешь с яйцом и мясом!

Мужчина даже не поднял глаз, бросив лишь:

— Ты мне денег не дал.

Подразумевалось: радуйся, что вообще есть что поесть, эту кашу он купил на свои деньги.

Цан Мо: «...»

В течение следующей недели Цан Мо от скуки постоянно задирал мужчину, но зато узнал о нем кое-что. Оказалось, мужчина потерял память. В городе Х он меньше месяца, его подобрала на помойке пожилая соседка бывшей сиделки Жун Цзысюаня. Та сиделка была добра к соседке, и когда ей пришлось срочно уехать, она порекомендовала мужчину на свое место из-за хорошей оплаты.

Дорогой костюм на мужчине был на нем еще тогда, когда его подобрала старушка. Цан Мо даже сделал фото и прогнал через терминал, но не нашел никакой информации. Это лишь подтвердило, что личность мужчины не проста: если даже терминал бессилен, что уж говорить о полиции.

Прошла неделя, и самым большим облегчением для Цан Мо стало то, что наконец можно снять маску и датчики.

В тот же день после обеда в палату к Цан Мо пожаловали двое молодых людей. Один выглядел очень мужественно, с четкими, словно высеченными из камня чертами лица, похожий на модель. Другой был мягче, с видом самодовольного аристократа, который, глядя на Цан Мо, не скрывал насмешки.

Это были Жун Чжэци и Цзи Сяонань.

Жун Чжэци сразу перешел к делу. Глядя сверху вниз на всё еще выглядевшего слабым Цан Мо, он произнес тоном, будто делает одолжение:

— Цзысюань, отпусти. Если подпишешь бумаги о разводе, я отправлю тебя за границу и дам денег, которых хватит до конца жизни. Ты должен понимать, что клан Жун вот-вот обанкротится.

Услышав это, Цан Мо наполнил свои влажные глаза слезами, и через секунду они хлынули потоком. Он обиженно и упрямо замотал головой:

— Я не отпущу! Ци, я так тебя люблю, почему ты так со мной? Я ведь ради тебя готов был умереть! Почему ты не посмотришь на меня? Неужели наши семь лет — всё ложь? Или этот лис применил магию и одурманил тебя? Ци, очнись! Мы были вместе семь лет, а сколько вы? Не уходи, умоляю, я не могу без тебя!

Затем он указал на Цзи Сяонаня и закричал, как базарная баба:

— Ты, подстилка, охотящаяся за чужими мужьями! Ты такая же, как твоя мать: бесстыдно увела чужого мужа и родила тебя, ублюдка. Теперь ты пошел по её стопам! Ты не достоин его, убирайся! Не смей осквернять мои глаза своим присутствием, меня тошнит от тебя!

— Хватит! Жун Цзысюань, я никогда тебя не любил! Сяонань — моя истинная любовь. Я женился на тебе только потому, что ты прилип ко мне. Мы с Сяонанем любим друг друга, а для меня ты был лишь чем-то вроде бесплатного приложения в постели. Не будь ребенком, имей хоть каплю самоуважения и подпиши документы!

Жун Чжэци не вынес оскорблений в адрес любимого и взорвался. Он окончательно сбросил маску: если бы не обещание устроить Цзи Сяонаню пышную свадьбу за границей, он бы и

взглянуть на Жун Цзысюаня не захотел.

Цан Мо, услышав столь жестокие слова, побледнел еще сильнее. Дрожащей рукой он указал на него:

— Значит... значит, ты так ко мне относишься? Все семь лет, что я тебе отдал, для тебя были шуткой? Я был для тебя лишь инструментом для сброса похоти?!

Жун Чжэци нахмурился, осознав, что перегнул палку, но, решив, что это поможет заставить Жун Цзысюаня сдаться, подтвердил:

— Именно. Если бы твои родители не заставили меня жениться на тебе, я бы даже не взглянул в твою сторону. От одного вида твоей рожи меня воротит.

— Ха-ха! Жун Чжэци, отлично! Просто прекрасно! Убирайтесь оба!! И чтобы духу вашего здесь не было!!! — Цан Мо выглядел так, будто доведен до безумия и готов броситься в драку.

Жун Чжэци заколебался, вспомнив семь лет совместной жизни, но Цзи Сяонань дернул его за руку, призывая не сдаваться: лучше довести Жун Цзысюаня до ручки, тогда подписать бумаги будет легче.

— Жун Цзысюань, будь благоразумен и подпиши. Ты думаешь, сможешь со мной тягаться? Называешь меня никчемным? Да ты куда хуже! Ци тебя не любит, а ты всё цепляешься — смешно, — Цзи Сяонань швырнул бумаги в лицо Цан Мо.

— Вон!!!! — Цан Мо в ярости разорвал документы в клочья и подбросил их вверх. Бумажный дождь заслонил Жун Чжэци и Цзи Сяонаня.

Грудь Цан Мо тяжело вздымалась, он согнулся в приступе кашля, лицо залилось краской, словно он задыхался. Жун Чжэци и Цзи Сяонань испугались, что тот может умереть прямо здесь — скандал в прессе им был не нужен. Они ушли, пообещав вернуться через несколько дней и добиться своего.

Дверь с грохотом захлопнулась. Мужчина-сиделка, сидевший на диване, увидел, как на лице Жун Цзысюаня, обычно не знавшего серьезности, отразилось полное отчаяние, и в душе его шевельнулось невольное сочувствие.

Он уже собирался нажать кнопку вызова врача, как вдруг Цан Мо, всё еще низко опустивший голову в «скорби», издал приглушенный смешок. А затем поднял голову — и мужчина с удивлением встретился с его ярко-красными, сияющими от смеха глазами. Стало ясно: всё, что он только что видел — лишь блестящая актерская игра!